

Ричард Коэн
В погоне за Солнцем

Richard Cohen
Chasing the Sun

The Epic Story of the Star that Gives Us Life

Ричард Козн
В погоне за Солнцем
Сказание о звезде, дающей нам жизнь

Перевод с английского
Николая Охотина

издательство **ACT**

Москва

УДК 523.9:008
ББК 22.652+71.0
К76

Published by arrangement with The Robbins Office, Inc.

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Коэн, Ричард
К76 В погоне за Солнцем / РИЧАРД КОЭН; пер. с английского НИКОЛАЯ ОХОТИНА. — Москва : АСТ : CORPUS, 2013. — 672 с.

ISBN 978-5-17-078150-8

Ричард Коэн — человек разносторонний. Во-первых, он публицист, которого с удовольствием печатают *New York Times*, *Guardian*, *Observer*, *The Daily Telegraph* и другие авторитетные издания. Во-вторых, он основатель собственного издательства *Richard Cohen Books*, специализирующегося на качественном нон-фикшне. Наконец, он четырехкратный участник британской олимпийской сборной саблистов (фехтование на саблях). Кроме того, с 2004 года он читает лекции в Кингстонском университете. Его ставшая бестселлером книга “В погоне за Солнцем” ответит на любой вопрос о Солнце, который вы когда-либо хотели задать, но не знали, кому.

УДК 523.9:008
ББК 22.652+71.0

ISBN 978-5-17-078150-8

- © 2010 by Narrative Tension, Inc.
- © Н. Охотин, перевод на русский язык, 2013
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
- © ООО “Издательство АСТ”, 2013
Издательство CORPUS ®

Содержание

<i>Предисловие</i>	9
Восход Солнца: Гора Фудзи	15
Часть первая. СОЛНЦЕ ДО НАУКИ	
Глава 1. Рассказывая истории	25
Глава 2. Праздники времен года	38
Глава 3. Три тысячи свидетелей	52
Глава 4. Ужасы небес	67
Часть вторая. ОТКРЫВАЯ СОЛНЦЕ	
Глава 5. Первые астрономы	85
Глава 6. Выход греков	95
Глава 7. Дары желтого императора	112
Глава 8. Башня султана	126
Глава 9. Земля движется	142
Глава 10. Диковинные моря мыслей	162
Глава 11. Затмения и просвещение	179
Глава 12. Солнце развенчано	195
Часть третья. СОЛНЦЕ НА ЗЕМЛЕ	
Глава 13. Солнечные пятна	215
Глава 14. Свойства света	230
Глава 15. Под палящим солнцем	242

Глава 16. Под кожей	260
Глава 17. Дыхание жизни	274
Глава 18. Темная биосфера	290

Часть четвертая. **УКРОЩАЯ СОЛНЦЕ**

Глава 19. Небесный проводник	305
Глава 20. О часах и календарях	318
Глава 21. Как проходит время	338
Глава 22. Солнце в кармане	354

Часть пятая. **ВДОХНОВЛЕННЫЕ ЗВЕЗДОЙ**

Глава 23. Символ жизни	379
Глава 24. Рисуя Солнце	394
Глава 25. Негативные способности	413
Глава 26. Тема дня	426
Глава 27. Старый дурачина	439
Глава 28. Восходящее солнце политики	459

Часть шестая. **СОЛНЦЕ И БУДУЩЕЕ**

Глава 29. За горизонтом	479
Глава 30. Под знаком непогоды	501
Глава 31. За пределами невозможного	518
Глава 32. Гибель Солнца	533
Заход солнца: Ганг	543

<i>Благодарности</i>	559
<i>Примечания</i>	565
<i>Указатель</i>	643

L'amor che muove il sole e l'altre stelle.
Любовь, что движет солнце и светила.*

* Пер. М. Лозинского.
(Здесь и далее — прим. перев.)

Предисловие

По мере все большего понимания законов природы и отношений, связывающих человека с Солнцем, мы приближаемся к разработке совершенно новой концепции нашего бытия: кто мы, почему мы существуем, каково наше реальное место во вселенной.

ГАРОЛЬД ХЭЙ, пионер использования солнечной энергии (ему уже более 100 лет)¹

Мир полон таких очевидностей, но их никто не замечает.

ШЕРЛОК ХОЛМС в *“Собаке Баскервилей”***

В четвертом томе “Астрономической и астрофизической энциклопедии” Солнце описывается как “звезда главной последовательности, желтый карлик спектрального класса G2V, масса $1,989 \times 10^{30}$ кг, диаметр 1 392 000 км, светимость $3,83 \times 10^{26}$ Вт, видимая звездная величина +4,82”². Это, безусловно, допустимая точка зрения на звезду, хотя, как говаривал Берти Вустер, не слишком полезная для приема внутрь и с утра пораньше на больную голову. У нас есть миллион разных описаний Солнца, и воспринимаем мы его столь же разнообразно. Индийский мудрец, написавший Ригведу между VIII и IV веками до н. э., придерживался благоговейно-почтительного тона: “Все светит лишь вслед за ним, светящим; весь этот [мир] отсвечивает его светом”^{**}; в то время как философ-мученик Джордано Бруно писал о Солнце с присущей XVI веку экстравагантностью: “Аполлон, поэт, лучник с колчаном разящих стрел, прорицатель, увенчанный лавром, пастырь, провидец, жрец и целитель...”

* Пер. Н. Волжиной.

** Пер. А. Сыркина.

Без Солнца никого из нас не существовало бы. Наша звезда, сформировавшаяся из колоссального облака водорода и звездной пыли, горела в течение 4,6 млрд лет и при текущем расходе обладает достаточным запасом топлива еще на сотню миллиардов лет, но сотрясающие ее катаклизмы сократят жизнь Солнца всего лишь до еще 5 млрд лет. Земля, как мы прекрасно знаем, в среднем находится на расстоянии 93 млн миль от Солнца (точнее, 92 955 887,6 мили, но это округление на 44 113 миль представляется незначительным искажением). Установившаяся температура солнечного ядра составляет 15 000 000 °C (27 000 000 °F). Чтобы представить масштаб: фотону, вылетевшему из солнечного ядра, потребуется 150 тыс. лет, только чтобы преодолеть пределы внешней оболочки Солнца. Каждую секунду 5 млн тонн солнечной массы преобразуются в ядерную энергию, что эквивалентно взрыву 90 млрд мегатонных водородных бомб, или, в более научной форме, — $3,8 \times 10^{33}$ эргов (один эрг — это приблизительно та энергия, которая требуется комару для взлета). Постоянные взрывы ядерных реакций выталкивают энергию на поверхность звезды, излучая ее в виде света и тепла. До Земли доходит всего 1 / 2 200 000 000 этого выхлопа — настолько удивительно маленькая цифра, что 120 лет назад одним из ключевых научных вопросов было, куда же делась вся остальная энергия.

В Солнце сейчас сосредоточено 99,8% массы всей Солнечной системы, но со временем до того расширявшееся с ускорением Солнце сожмется и потеряет часть массы (новый объем сможет вместить Землю 1 300 000 раз), а через 2 млрд лет (отсчитывая от сегодняшнего дня) уже куда более холодная звезда очень резко расширится и превратится в ярчайшего красного гиганта, который в свою очередь резко схлопнется в белого карлика (увы, научный слог редко бывает столь поэтичным, как в данном случае). К тому времени всякая жизнь на Земле уже давно перестанет существовать. Спустя еще триллион лет Солнце окончательно замерзнет.

В начале 1990-х, когда я руководил издательством в Лондоне, я понял, что хочу побольше узнать о Солнце (это было не неожиданным прозрением, а лишь осознанием того, как мало я знаю о том, что столь непосредственно влияет на нашу жизнь), и принялся искать автора, который смог бы создать исчерпывающее описание Солнца, но без успеха. Пять лет спустя я переехал из Англии в Нью-Йорк, и та идея все еще сидела в моей голове. Я поинтересовался, не появилось ли за истекший период книги, которая объясняла бы колоссальное и разнообразное воздействие этого гигантского газового шара, в особенности в отношении создания и поддержания жизни на Земле во всем ее многообразии. Посещение Нью-йоркской публичной библиотеки выявило 5836 книг, содержащих слово “Солнце” в заглавии, но ни одна из них не сочетала увлекательность научного открытия (Галилей, впервые замечаю-

щий солнечные пятна, или Уильям Гершель, открывающий новую планету) с исследованием места Солнца в искусстве, религии, литературе, мифологии и политике. Мне хотелось узнать о великом солнечном храме посреди руин Мачу-Пикчу, о Моцарте, воспевающем солнце в “Волшебной флейте”, о Чаплине, высмеивающем страсть Гитлера к солярным образам в “Великом диктаторе”, а также почему на протяжении пятнадцати веков цивилизованный Запад придерживался точки зрения древних о Солнце, вращающемся вокруг Земли. Но большинство изданий относилось к специальным областям, а авторы ненаучных книг либо относились к науке с подозрением, либо проявляли к ней лишь минимальный интерес.

“Есть два мира, — писал английский эссеист и поэт Ли Хант (1784–1859), — мир, который можно измерить разумом и линейкой, и мир, который постигается сердцем и воображением”. А Конан Дойл даже заставил Шерлока Холмса утверждать, что тот не желает ничего знать о Солнечной системе, поскольку эта лишняя информация займет в мозгу место, полезное для более важных сведений³. Некоторые люди до сих пор придерживаются таких взглядов, возможно потому, что базовые факты о Солнце в самом деле оказываются за пределами нашего восприятия — они слишком велики и ярки. По наблюдению американского популяризатора науки Бена Бовы, “эволюция не подготовила нас в достаточной степени к пониманию таких вещей, как квантовая физика, искривление пространственно-временного континуума, даже возраст Земли сложно воспринять, не говоря о возрасте Вселенной... Метафоры помогают, но это не более чем костыль, и в большинстве случаев они лишь подчеркивают ограниченность нашего воображения, сталкивающегося с ошеломляющей безграничностью космоса”⁴.

Я вспоминаю разговор с автором биографий Ричардом Холмсом, писавшим групповой портрет британских ученых начала XIX века (книга вышла под названием *The Age of Wonder*): тогда, в 2003-м, я говорил ему, что собираюсь в продолжение своей предыдущей работы, трехтысячелетней истории фехтования, написать историю Солнца. “Ага, сперва вы изучали честь, а теперь верования”, — сказал он. Может быть, и так, но я начал без какого-либо специального плана. Солнце чудесно, буквально “полно чудес”, и мне хотелось узнать о нем как можно больше.

Практически это означало для меня изучение почти всех наук — довольно устрашающая перспектива, поскольку я учился в бенедиктинском колледже и монахи уделяли мало времени подобным дисциплинам. Главным воспоминанием о научных устремлениях стал седовласый отец Брендан в черной рясе, залезающий в окно нашего класса с медной сковородкой и бунзеновской горелкой в руках. Готовясь к приготовлению яичницы, он поведал нам, что наука всегда должна подразумевать практические резуль-

таты. Наверное, многие ученые и даже любители не согласятся с этим тезисом, но я вполне оценил свою порцию яичницы.

Написание данной книги заняло восемь лет, за это время я посетил восемнадцать стран на шести (из семи) континентах (мою жену часто спрашивали, где я, на что она отвечала: “О, его нет, он гоняется за Солнцем”). Некоторым читателям, вероятно, хотелось бы большего погружения в солнечную астрономию, но всего не охватишь. Однако я заведомо пришел к пониманию того, что в нашем отношении к Солнцу, особенно в западном мире, что-то сбилось. Раскрыв тайну Солнца — чудо термоядерной реакции, — мы обнаружили новые удивительные явления, но что-то значительное было нами в этом процессе утеряно.

Некогда мы считали себя центром Вселенной и полагали, что даже Солнце (так же как Луна и другие планеты) вращается вокруг нас. Мы были в центре всего. Но ни одна из первородных сил, определяющих нашу жизнь, не подчинялась нам, и мы прекрасно осознавали свое бессилие. Отсюда и наше страстное стремление к господству, столь ярко выраженное в мифологии, в бесчисленных историях о людях, богах или животных, пытающихся управлять Солнцем: стремление к превосходству, которое можно было удовлетворить только магическими представлениями о действительности, поскольку никаких других доступных средств у человечества не было.

Теперь, спустя тысячелетия, мы доподлинно знаем, что наши первые, примитивные идеи о собственном месте в космосе были ошибочны, что космос значительно больше, чем мы когда-либо могли вообразить. Мы лишь пылинки в нем. В то же время мы создали энергию, выходящую за пределы самых смелых помыслов, и астрономы верят, что в десятых годах нового века начнется золотой век открытий солнечных феноменов, появятся наконец ответы на такие мучительные вопросы, как “что является причиной солнечных пятен и откуда берется солнечный ветер?”, “как солнечные лучи могут доставить нам используемую энергию?”, “как магнитные частицы Солнца и его корональные выбросы воздействуют на наш климат?”. По мере того как мы все глубже понимали устройство Солнца, а также больше использовали его полезные возможности, оно лишалось в наших глазах своих примитивных магических свойств.

Американский астроном Джон Эдди хорошо понимал это: “Нам всегда хотелось, чтобы Солнце было лучше прочих звезд, лучше, чем оно есть на самом деле. Мы ждали от него совершенства, и, когда телескопы показали нам его несовершенство, мы сказали: “По крайней мере, оно постоянно”. Когда Солнце оказалось непостоянным, мы сказали: “По крайней мере, оно регулярно”. Сейчас, похоже, о нем нельзя сказать ни того ни другого; и то, что мы считали его тем и другим, на самом деле больше говорит о нас, нежели о самом Солнце”⁵.

Таким образом, книга повествует, в частности, о десакрализации вселенной, причем Солнце выступает символом этого древнего, но постоянно набирающего силу процесса; а также она о нашем чувстве утраты — иногда осознанном, иногда нет, — возникающем, когда срываются покровы чудес.

Но и это еще не все. Многие столетия Солнце вдохновляло искусство. Иногда оно становилось непосредственным героем произведений, иногда — символом тех или иных идей, бросая отблески величия и даже царственности, с которыми мало что могло сравниться. За восемь лет моих занятий этой темой я осознал масштаб его мифологичности — ведь мощь Солнца до сих пор нами до конца не понята. Нам не удалось свести Солнце просто к “небольшому научному светилу, редуцированному до клубка раскаленного газа”, как говорил пламенный солнцепоклонник Д. Х. Лоуренс. Этот газовый шар полон тайн такого размаха, что, наверное, только мифу под силу охватить и описать все, что мы знаем о Солнце, его разрушающей и создающей мирах мощи, его неизбежной смерти.

Например, глобальное потепление: нам говорят, что наука единодушна — парниковый эффект угрожает планете. И мою книгу, вероятно, назовут “трактатом против здравого смысла” (как ее время от времени называют трое моих детей), если я поставлю вопрос, является ли парниковый эффект главной причиной изменений в нашей окружающей среде. Без сомнения, мы наблюдаем ужасающие засухи, наводнения, эпидемии, голод, а также непрекращающееся исчезновение видов и резкие изменения в поведении животных. Но вместе с тем многие из ведущих мировых физиков, занимающихся Солнцем, говорили мне, что наступающий золотой век солнечных открытий, видимо, прямо скажется на нашем понимании устройства климата Земли, и эти открытия на самом деле значительно уменьшат роль рукотворного глобального потепления. Будем ли мы и дальше, несмотря на новые исследования, приписывать себе даже самые крупные катаклизмы, игнорируя воздействие нашей звезды?

Справедливости ради надо сказать: мы тоже виноваты, но при этом не столь разрушительно всемогущи. Нас словно обижает сама мысль о зависимости от милостей Солнца. Но мы зависим от него. И разумеется, никакой милости нам от Солнца ждать не приходится, Солнце безжалостно.

В процессе написания этой книги я усвоил один урок — без Солнца не обходится ничего. Однажды вечером в 2004 году, будучи в “Карлайл-отеле” на Мэдисон-авеню, я оказался в компании нескольких знатоков лисий охоты, мужчин и женщин, отмечающих окончание охоты большим обедом и раскрасневшихся от азарта и целого дня, проведенного на природе. Выяснилось, что настоящие специалисты избегают охоты в солнечные дни, поскольку нагретый воздух поднимается вверх, поднимая за собой лисий за-

В самой главной сцене “Волшебника из Страны Оз” Дороти поет о “таком месте, где нет никаких забот... где-то за радугой”, облака расходятся, выпуская солнце, и она вскоре отправляется в свое путешествие. Солнечный свет после грозы символизировал надежды людей после Великой депрессии. По иронии судьбы премьера фильма состоялась 12 августа 1939 года, за три недели до начала Второй мировой войны (MGM/Photofest)

пах так высоко, что собаки его уже не улавливают и, как следствие, упускают лису. Если бы не эта случайная встреча, вряд ли я сам бы додумался до такого солнечного штриха.

А на сайте американского скаутского движения одно время продвигалась игра, где также фигурировало Солнце (хотя и без особого внимания к астрономическим реалиям). Как пишет изобретатель игры, это похоже на “недостающий стул”. Стульев должно быть на один меньше, чем мальчиков. Еще один мальчик — Солнце. Все остальные — планеты (Марс, Юпитер и т. д.). Солнце курсирует вокруг стульев, выкликая имена планет. Те, кого вызвали, встают и кружатся вместе с Солнцем. Когда на орбите оказываются все планеты, Солнце выкрикивает: “Взлет!” Все должны быстро усесться на стулья, кто не успел — становится Солнцем⁶.

В общем, садитесь на стулья, мы взлетаем.

Восход солнца: гора Фудзи

Вернись опять в неведение
И посмотри на солнце неведующим глазом —
и увидишь его ясно, всю его суть.

УОЛЛЕС СТИВЕНС,
“Примечания к высшей прозе”⁷

Ты бежишь и бежишь, чтобы солнце догнать...

Pink Floyd

Я хотел оказаться на вершине горы Фудзи так, чтобы застать восход солнца 21 июня 2005 года, в день летнего солнцестояния. Вскоре стало ясно, что это будет непросто: все пять главных троп, по которым на гору ежегодно поднимаются паломники, закрыты до 1 июля, к этому времени снег на вершине стает, утихнет сильный ветер и вообще погода станет мягче. Официальное открытие сезона сопровождается рядом пышных церемоний у каждого из входов на гору. Церемонии самые разные, от массового очищения в одном из близлежащих озер до *owaraji hono* — приношения богам двенадцатифутовой веревочной сандалии, сплетенной из рисовых волокон. Этот объект, символ надежности, здоровья и крепких ног, скопирован с оригинальной крестьянской обуви, которую носили (и снашивали) пилигримы. Я, впрочем, предпочел идти в спортивной обуви.

Находясь в Нью-Йорке, я пытался получить специальную бумагу от полиции, разрешающую мне внесезонное восхождение, но официальные формы наводили страх — в них требовалось вписать свою группу крови и контакты ближайшего родственника, а одновременно с этим предупреждалось о том, что “подъем на гору Фудзи не является простым делом и в плохую погоду может стать настоящим испытанием”. Я решил, что будет лучше наладить

связь с Японской горной ассоциацией, где, действительно, любезный мистер Накагава сообщил, что не будет против, если только я проявлю крайнюю аккуратность. Он предупредил, что падение уровня кислорода и температуры может быть очень внезапным и стремительным, а также сказал о риске сильного ветра и камнепада. Горная болезнь, еще одна серьезная опасность, может вызывать тошноту и потерю ориентации. “Только дураки поднимаются на Фудзи два раза”, — гласит местная поговорка, в которой токийские остряки заменили “два” на “один”. Но это не играло никакой роли: перспектива увидеть восход солнца — *goraiko* — сама по себе была изрядным стимулом.

Мое путешествие началось 20 июня в маленьком западном городке Исе, где находятся два алтаря Аматэрасу, богини Солнца и мифической прародительницы императорского дома. За день до начала подъема я посетил эти алтари, более древний из которых датируется III веком н. э., хотя каждые двадцать лет его разрушают до основания в знак очищения и обновления, а затем выстраивают такой же новый. И вот в пять часов утра я сел на поезд до станции Син-Фудзи (“новая бессмертная жизнь”, если переводить буквально), а уже оттуда мне предстояла трехчасовая поездка на автобусе до середины горы и пеший подъем непосредственно на вершину, возвышающуюся на 12 395 футов над уровнем моря.

С древних времен гора Фудзи почиталась как олицетворение нации. Она высится на тихоокеанском побережье большого острова Хонсю примерно в 70 милях к юго-западу от Токио. Ее склоны вплоть до самой вершины усыпаны буддистскими храмами, их пара десятков. Это волшебное сочетание красоты и мощи японские националисты веками считали свидетельством избранности японцев среди других народов Востока, да и всего мира. Одна из религиозных сект, Фудзико, полагает божественной саму гору⁸.

Гору образуют три вулкана, самый младший из которых проснулся несколько десятков тысяч лет назад. За прошедшие тысячелетия лава и прочие продукты извержения Новой Фудзи наслоились поверх двух старых кратеров, создав объединенную вершину — конус диаметром почти 2 тыс. футов. Геологи по сей день относят гору к потенциально активным — в конце концов, Кракатоа спала два века до взрыва в 1883 году, — но последний раз Фудзи извергалась 24 ноября 1707 года. Эйяфьятлайокудль произойдет еще только через пять лет. В общем, этот риск я не стал включать в свой список.

Когда поезд остановился на Син-Фудзи, автобус уже стоял в 80 ярдах от станции и был абсолютно пуст, если не считать водителя. Я должен был выйти на пятой станции (всего их десять), на полпути к вершине, около 7600 футов над уровнем моря. Я посмотрел через окно вперед: гора воздвигалась первые полторы тысячи футов, затем переходила в вересковую пустошь, а вскоре и в густой лес, где-то посреди которого находилась “Станция 5”.

Минут через двадцать в автобус поднялся человек плотного сложения, лет сорока с небольшим, с коротко стриженными темными волосами и решительным выражением лица. Мой спутник оказался бухгалтером и компьютерным аналитиком из Сан-Франциско, звали его Виктор, и он тоже собирался подняться на вершину. Я предложил идти вместе. Он помедлил с ответом, внимательно меня оглядел, а потом спросил, есть ли у меня опыт таких восхождений. Я признал, что никакого, а также сообщил, что мне пятьдесят восемь. Он явно колебался, но мы решили попробовать при условии, что разойдемся, если один из нас начнет тормозить другого.

На “Станции 5” несколько туристов собирались обратно — фотографировали гору и покупали сувениры в лавке. Побродив по станции, я купил несколько мандаринов, крепкую прогулочную трость (в комплекте с маленьким японским флажком и колокольчиками для отпугивания медведей, но я их сразу снял, поскольку давно не слышал ни о каких медведях на Фудзи) и дешевый фонарик. Вскоре я наткнулся на Виктора, который уже чудесным образом переоблачился: черные альпинистские шорты, черные гольфы до колен (так что не выглядывало ни дюйма кожи), черные хлопчатобумажные перчатки и специально сконструированная куртка с прозрачными канистрами за плечами (с разноцветными жидкостями и трубочками). В левой руке он держал два блестящих стальных альпинистских крюка. “Это что-то лыжное?” — осведомился я. Виктор ответил страдальческим взглядом и присел, чтобы надеть кожаные краги на ноги “для избегания попадания камешков в ботинки”. Он проверил альтиметр, температуру и компас, убедился, что все три имевшихся у него карты легкодоступны. Из солидарности с ним я тоже проверил свою куртку, подтянул джинсы и покрутил в руках трость с японским флажком. И вот мы, предоставленные сами себе, отправились в путь по грязной тропинке в сторону главной трассы. Большая часть горы была скрыта плотным туманом, но очертания снежной шапки просматривались довольно отчетливо.

По дороге мы с Виктором оживленно разговаривали и делились историями из жизни. Минут через сорок он резко остановился. “Высотная болезнь”, — объяснил он и глотнул из своей правой фляжки. Я немного удивился, но стал идти медленнее. Какое-то время мы прошли в таком режиме, Виктор отставал на несколько футов. Но вскоре стало ясно, что он совершенно не в форме. Если я хотел застать рассвет, мне нужно было идти одному, так что с согласия Виктора мы распрощались. Было около шести вечера, солнце уже висело довольно низко, несмотря на канун солнцестояния. Это абсолютно безопасно, сказал я себе, многие тысячи людей проделывают этот путь каждое лето. Но идти становилось все тяжелее, сложные участки были отмечены металлическими столбиками с цепями. Указатели на японском и английском: опасайтесь камнепада и ветра. Хорошо, буду следить за камнями,

но как спастись от ветра? Держаться главной дороги. Все казалось достаточно простым, но на деле таким не было, что мне вскоре предстояло узнать.

Солнце село в один момент, от чего у меня прошел холодок по коже, и не от холода, а скорее от чувства одиночества, которое часто ощущается на закате. Я включил фонарик, закрепив его на голове, чтобы руки оставались свободными. Рельеф то и дело непредсказуемо менялся. Иногда передо мной возникала бетонная лестница высотой ступенек в тридцать (крутых даже для меня, что уж говорить о среднем японце), иногда приходилось взбегать (чтобы не скатиться вниз) по двадцатифутовой полосе гладкого сланца или карабкаться по серым и черным валунам разных форм и размеров. Угол подъема тоже изменялся с двадцати градусов до чего-то значительно более крутого, так что я поднимался, сложившись почти пополам. Из-за неоднородности рельефа было невозможно установить какой-либо ритм, и само сохранение равновесия было постоянной борьбой, как, впрочем, и ровность дыхания. Я остановился перевести дух, обернулся и посмотрел вниз: прекрасный вид на каменистый, затем лесистый, затем болотистый ландшафт... но никакого Виктора, ни единой вспышки фонарика, вообще никого. Я ощутил невольную дрожь.

По мере того как подъем становился все более крутым, указателей становилось все меньше, и я несколько раз сходил с трассы и был вынужден возвращаться. Сланец и валуны теперь часто были испещрены пятнами ржаво-коричневой лавы и выходами мрамора — красивыми, но коварными в прохождении. Некоторые куски породы под ногами были в пустотах, словно губки; я положил парочку в рюкзак.

У меня появилось чувство легкости в голове, но энергии на дальнейшее движение уже не было. Навалилась горная болезнь в форме тяжелого чувства тошноты: даже и без альтиметра Виктора я считал, что преодолел 5–6 миль, причем не всегда вертикально. Я делал 50–60–75 шагов, потом следовала пауза на 30 секунд перед следующим броском. Так я миновал “Станцию 6” — пустой домик, окруженный свежими раскопами минералов, а полчаса спустя медленно вскарабкался по крутым бетонным ступеням к “Станции 7”, тоже пустой. Через “Станцию 8”, еще в получасе подъема, как мне было известно, с ночевкой за сезон проходило более ста человек.

Примерно в 20:15 я ступил на ее бамбуковое крыльцо. Дверь приоткрылась, и унылого вида японец лет шестидесяти с лишним оглядел меня сверху вниз, вряд ли обрадованный явлением внесезонного посетителя. “Снимите обувь!” — пролаял он. За ним нерешительно топталась женщина того же возраста, вероятно его жена. Она казалась более дружелюбной, и мы с ней договорились на смеси пиджин-инглиша и ломаного японского, что я могу здесь остаться на несколько часов, при условии что занесу свои ботинки в спальную комнату и, уходя, не буду шуметь.

Она провела меня к ряду двухэтажных коек в глубине дома, где я обнаружил, что не одинок. Там было четверо репортеров местного телевидения, две женщины и два мужчины, которые снимали фильм о строительстве нового спуска близко к моей трассе: старый спуск, самый опасный из всех, забрал уже слишком много жизней. Один из журналистов говорил по-английски, и мы на цыпочках вышли на крыльцо, где он курил, а я угощал его мандаринами. Он поинтересовался, действительно ли я планирую в одиночку подняться на самую вершину, да еще и в темноте. Он напомнил мне, что в июне трассы еще не освещают. Глянув на термометр, висящий на веранде, он прикинул, что на вершине будет ниже нуля, а сильный ветер может сделать температуру еще ниже. Я поблагодарил его за эти предупреждения, и мы вернулись к своим койкам.

Я заснул сразу, три часа пролетели мгновенно — мой телевизионный приятель разбудил меня в полночь, чтобы я не вышел из графика. Восход намечался на 4:37, и я был решительно настроен встретить его на вершине. Горная болезнь бесследно выветрилась, путь казался ясным, и я взял очень хороший старт, но когда я посмотрел вверх, то от удивления едва не потерял точку опоры. Всего лишь в 20 футах впереди сверкал яркий белый свет, а под ним светились две желтые полосы. “Эй, привет!” — прокричал знакомый голос. Слепящий свет исходил от головного фонаря Виктора, а желтые зигзаги были флуоресцентными полосками, нашитыми у него на отворотах куртки. Он сидел на скале, отдыхая в первый раз с тех пор, как мы с ним расстались восемь часов назад. Я был рад встрече.

Виктор посмотрел на свой альтиметр и объявил, что нам осталось еще больше 2 тыс. футов, так что мы поспешили, не тратя времени на разговоры. Вскоре я вновь оставил его позади и взглянул на часы: около 2:30. Рельеф поверхности был по-прежнему хаотичным — пемзообразная лава, сланец, глыбы, рукотворные ступени. По обеим сторонам в свете моего фонарика сверкала покрытая снегом земля.

Я опять задыхался в разреженном воздухе, на этот раз сильнее, приходилось останавливаться каждые тридцать шагов и целую минуту приходиться в себя. Я съел шоколадку и последние фрукты, проклиная собственную небрежность: что мне стоило взять с собой таблетки от горной болезни? Лучшим решением было двигаться вперед на доступной мне скорости, но времени оставалось немного, восход через два часа, каждая минута на счету. Если я вообще поднимусь на эту вершину.

Немаленькая плата за стремление “угнаться за Солнцем”, подумал я. Эта фраза встречается в предисловии Сэмюэля Джонсона к его знаменитому словарю. Он жалуется на бесконечность задачи лексикографа, “одно изыскание только дает повод к следующему, книга ссылается на другую книгу,

Картина 1857 года с изображением богини Солнца Аматерасы и горой Фудзи на заднем плане.

Легенда гласит, что она отправила своего внука установить мир в Японии, а его правнук Дзимму стал первым императором страны (Minneapolis Institute of Arts, Gift of Louis W. Hill, Jr.)

а искать не всегда означает находить, так же как находить не всегда означает что-то узнавать”. Он также говорит о сужении поставленных задач и о том, насколько погоня за идеалом похожа на погоню за солнцем, которое, стоит достигнуть “холма, на котором оно по видимости покоилось”, оказывается столь же далеким, как и прежде. Я не гнался за идеалом, а всего лишь стремился к концу путешествия. Каждый шаг требовал невероятной воли, и я обнаружил в голове строчки из песни группы *Pink Floyd: You run and you run, to catch up with the sun*⁹.

Теперь только пятнадцать шагов за один присест; потом их стало десять, гораздо медленнее и короче, чем первоначальные широкие шаги. Я старался отбивать ритм своей палкой по каменистой поверхности. Не раз подворачивал лодыжку на неровностях. Мой фонарик потускнел, а затем совсем погас, но, по счастью, было почти четыре часа — естественного освещения уже хватало для подъема. И наконец передо мной вверху возникла резная деревянная арка, сквозь которую поднималась каменная лестница, охраняемая с обеих сторон огромными скульптурными львами¹⁰. Я достиг цели, вершины Страны восходов. Я находился перед *тори*, воротами храма, и изображенный на них резной деревянный луч словно призывал Солнце, царя Природы, спорхнуть как птица и сесть на перекладину.

Я медленно поворачивался, чтобы впитать в себя все, что лежало вокруг. Возвышаясь над линией побережья, Фудзи с южной стороны плавно спускается к берегу, а с северной и западной ее сторон простираются линии озер, образовавшихся в тех местах, где горным рекам преграждали дорогу плотины из вулканического пепла. Минуло 4:30. В ожидании я опустил на землю. Небо было усеяно пятнами разной фактуры. Вдруг краешек солнца показался над линией горизонта, и все заиграло красками. Цвета были такими живыми и по мере восхода менялись так быстро, что я задержал дыхание, ожидая следующей пурпурной полосы, или охряной, или цвета индиго. Было не очень ярко, но уже через несколько секунд я оказался под ударом ослепительного света. Теперь я понимаю, почему говорят “забрезжило” о понимании или вдохновении, когда что-то видишь будто впервые. Солнце поднялось над горизонтом, как новорожденный младенец, а я смаковал этот момент на вершине Фудзи в самый длинный день года, и вулкан и вся панорама, казалось, принадлежат только мне. Но никакого чувства собственности — меня захлестывало лишь счастье.

Затем я прогулялся вдоль кратера, прошел все полторы мили его окружности. Спустя еще полчаса я заметил внизу знакомую фигуру. Виктор снял куртку и надел на голову нечто вроде кепки. Покрытый потом, но сияющий улыбкой из-под белого козырька, он тоже был на пороге завоевания вершины Фудзи-сан, горы солнечной богини.

Часть первая Солнце до науки

*Лучник-герой Хоу И сбил 9 из 10 солнц
и, тем самым спасши мир, правил затем
Китаем с 2077 по 2019 годы до н. э.*

(© Mona Caron)

Глава 1

Рассказывая истории

Как на главную тему ранней мифологии смотрю на восход солнца и на его закат, на ежедневный круговорот дня и ночи, на битву между светом и тьмой, на солнечную драму во всех деталях, которая разыгрывается ежедневно, ежемесячно, ежегодно на небесах и на земле¹¹.

МАКС МЮЛЛЕР, *оксфордский профессор XIX века, преобразивший изучение солнечной мифологии*

Лишь сеть, что человек на небосклон
Набросил, крикнув: “Мой отныне он!”*

Джон Донн

Внушающие благоговение и одновременно ироничные строки Донна были написаны в ранние годы коперниковской революции, но с тем же успехом их можно было бы применить к попыткам человека осмыслить небеса, сделать их “своими” посредством рассказывания историй. Поскольку свои мифы о Солнце были во всех обществах во все времена, их широчайший спектр поистине великолепен: здесь оно предстает волшебником или жуликом, там оно — огненный шар, который кто-то должен нести, в третьем месте — челн, зеркало или удивительный зверинец. В Перу и Северном Чили многим племенам Солнце известно как бог Инти, спускающийся в океан каждый вечер, чтобы вынырнуть на востоке, освежившись от купания¹². Как только была приручена лошадь (в начале второго тысячелетия до н. э.), Солнце стали изображать как колесницу, влекомую четырьмя огненными жеребцами. В Древней Индии

* Пер. Д. Щедровицкого.

их называли *аруша*, “яркие как солнце” на санскрите (греч. “эрос” тоже несет часть этого значения, будучи того же корня, что и “солнечный конь”). Часто привлекаются птицы — сокол, орел и, конечно, феникс, который погибает и возрождается из собственного пепла. В Африке и Индии солнечными животными являются тигр и лев: восход означает молодого льва, день — зрелого льва, а закат — старого. Там, где львы не водятся, происходят адаптации: в обеих Америках до Конкисты фигурируют орлы и ягуары.

В некоторых культурах Солнце представало в нескольких обличиях: у египтян солнечным богом был не только Ра, но и Хепри, Перерождающийся, и Харахути, Далекий. У ацтеков бог Уицилопочтли (от *уицилин* — колибри) соответствовал восходящему солнцу и солнцу в зените, а Тескатлипока, “дымящееся (или огненное) зеркало”, — сумеречному, вечернему солнцу. Солнце постоянно возрождается, так что у них были солнце-ягуар, солнце-ветер, солнце-дождь, солнце — огненный дождь и бог Нанауацин (Покрытый Язвами), который стал пятой соляной силой, землетрясением. У майя Солнце считалось гремучей змеей, и своим городам они давали имена с префиксом *x*, фонетически олицетворяющим змею, которая сбрасывает старую кожу и подобно Солнцу получает новую. Однако какую бы форму не принимало Солнце — глаза, крыла, лодки, дракона, рыбы, птицы, — всегда находится общее ядро, сходство, которое объединяет эти сказания разных культур, возникших в разных полушариях и тысячелетиях.

Порой Солнце представляется людям такой страшной угрозой, что его следует в какой-то форме смирить. Например, в древнекитайской мифологии богиня Си-Хэ родила десять солнц, которые одновременно всходили в небе и сжигали все урожаи и вообще всю растительность, кроме огромной шелковицы, *фусана*, где эти солнца восседали. Каждое утро богиня купает одно из солнц, подлетающее к ней на спине ворона. Однажды все солнца сбежали, и жизнь на земле стала невыносимой. Землю наводнили полчища монстров: великан-людоед Цзо Чи с большими зубами, Чю Ин, убивающий водой и огнем, огромная птица Да Фэн, выпускающая ветер, кабан-гигант Фэн Си, большая змея Си Су Шэ. Измученные люди без конца просят солнца сойти вниз, но те отказываются. Надвигается полная разруха, но юный лучник Хоу И убивает людоеда, водяное чудовище и гигантскую птицу, разрубает пополам змею, ловит кабана и — самое героическое деяние — подстреливает девять солнц. С тех пор, гласит история, осталось только одно солнце.

В басне Эзопа “Солнце женится” совсем другой сюжет, но та же угроза. Однажды жарким летом прошел слух, что Солнце надумало жениться. Все птицы и звери возрадовались, особенно лягушки, пока старая мудрая жаба не попросила слова. “Друзья, — сказала она, — нам не следует так радоваться. Если Солнце в одиночку способно высушить наши болота, то представьте

себе, что же будет, если у него появятся еще и маленькие сыновья”. Обе истории учат нас: хорошего понемножку.

Почти во всех древних цивилизациях считалось, что вселенная существовала неопределенно долгое время без всякого человеческого вмешательства. Это не распространялось на солнце, которое во многих мифологиях существует только ради пропитания человека. Например, индейцы хопи из северо-восточной Аризоны создали солнце тем, что подбросили вверх щит, обтянутый оленьей шкурой, вместе с лисьей шкурой и попугайчьим хвостом (чтобы создать цвета восхода и заката). Но, какую бы форму оно бы ни принимало, каким бы персонажем ни становилось, солнце редко представляло полностью неуязвимым (старая германская традиция запрещала показывать на солнце, чтобы не причинить ему ущерба), и оно часто изображалось освобожденным из клетки, или выкраденным, или же родившимся из самопожертвования бога или героя. У иннуитов Берингова пролива весь мир считается созданным Отцом Вороном, который так рассердился на человеческую жадность, что спрятал солнце в мешок. Испуганные люди предлагали ему дары, пока он не уступил им, но только чуть-чуть, выставляя солнце в небо на время, а затем пряча его обратно.

Каждое раннее общество персонифицировало природные циклы, но, когда дело касается солнца, в разных культурах оно имеет разный род. В романских языках Солнце — мужчина, а в кельтских и германских — женщина, а Луна — мужчина: в Верхней Баварии до сих пор Солнце называют *Frau Sonne*, а Луну — *Herr Mond*. Для аравийского племени бедуинов руалла Солнце — жестокая старая карга со страстью к разрушению, которая раз в четыре недели затаскивает красавца Месяца к себе в постель и лишает его сил, так что ему требуется еще месяц на восстановление¹³. Эксимосы, чероки и ючи тоже считают Солнце женщиной, а у поляков, например, Солнце среднего рода, а Луна — мужского. Вариации, возможно, обязаны своим происхождением климатическим различиям: там, где день мягкий и приятный, Солнце, как правило, женского рода, а Луна, повелевающая холодной, суровой ночью, — мужского. В экваториальных зонах, где день иссушающе жарок, а ночь, напротив, мягка и нежна, светила меняются полами. Есть и исключения: на Малайском полуострове Солнце и Луна женского рода, а звезды — дети Луны¹⁴.

В большинстве историй о сотворении мира Солнце превосходит как Луну, так и сами небеса. Книга Бытия гласит: “И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью”¹⁵. Египтяне описывают Солнце и Луну как “два светила”, правый и левый глаз Ра соответственно; левый при этом слабее, потому что он поврежден. В Центральной и Южной Америке и у племени мунда в Бенгалии Солнце и Луна являются супругами. Бенгальцы нежно называют Солнце

Солнечная колесница Сурьи с возницей Аруной, который отождествляется с красным цветом, сопровождающая восход и закат (Michaud Roland et Sabrina/Rapho/Eyedea Illustrations)

Sing-Bonga, считая его добрым божеством, которое не вмешивается в человеческие дела. Еще один миф того же региона представляет Солнце человеком с тремя глазами и четырьмя руками, оставленным женой, которую утомлял его блеск. Его заменяет Чхая (Тьма), но Солнце возвращает себе жену, уменьшив сияние до $\frac{7}{8}$ прежнего уровня (интересный пример соглашения, которое делает брак возможным). Такие супружеские размолвки породили много историй, подразумевающих невозможность счастливой совместной жизни Солнца и Луны.

Некоторым наиболее сложным древним культурам приходилось задумываться о том, почему Солнце, несмотря на очевидное могущество, должно подчиняться каким-то правилам, вместо того чтобы кататься по небу как захочет. Только раб будет повторять изо дня в день одно и то же! В объяснение этого было придумано множество легенд. Солнце изображалось как изменчивое создание, иногда бегущее слишком быстро, иногда плетущееся еле-еле, порой подходящее к Земле чересчур близко, а иной раз удаляющееся слишком далеко. Поэту XVI века Гарсилаго де ла Вега, одному из первых бикультурных испаноамериканцев, принадлежит следующая история о величайшем инке — завоевателе Гуаяне Капаке.

Однажды этот правитель стал смотреть прямо на Солнце, и его верховный жрец был вынужден напомнить ему, что их религия запрещает это. Гуаяна Капак ответил, что это он его царь и главный жрец: “Кто из вас осмелится приказать мне встать и отправиться в долгое путешествие?”

Верховный жрец отвечал, что таких не найдется.

Гуаяна Капак продолжал: “А кто из моих военачальников независимо от его власти или владений не подчинится мне, если я прикажу ему отправиться в далекую Чили?”

Верховный жрец признал, что любой военачальник подчинится.

“Тогда, — сказал инка, — я скажу тебе, что у нашего Отца Солнца должен быть повелитель более великий, чем он сам, который командует ему путешествовать день за днем по небу без передышки; если бы он был Верховным Владыкой, он непременно иногда переставал бы путешествовать и отдыхал”¹⁶.

У древних греков Солнце тоже не было вершиной творения: Гомер даже не отводил Гелиосу места среди богов-олимпийцев. Оно не всегда является и благодетелем: в мифологии Месопотамии солярный бог Нергал приносит чуму и войны, его оружие — жара, засушливый ветер и молния. Через всю историю проходит эта глубинная амбивалентность: человечество не может существовать без мощи Солнца, но все равно желает усмирить его или соблазнить, ограничив его власть над нами.

Макс Мюллер в возрасте тридцати лет, вскорости после приезда в Англию (Walker & Cockerell, ph. Sc.)

В чем же состоит эта власть? Во второй половине XIX века солнце попадает в круг интересов значительного ученого Фридриха Макса Мюллера.

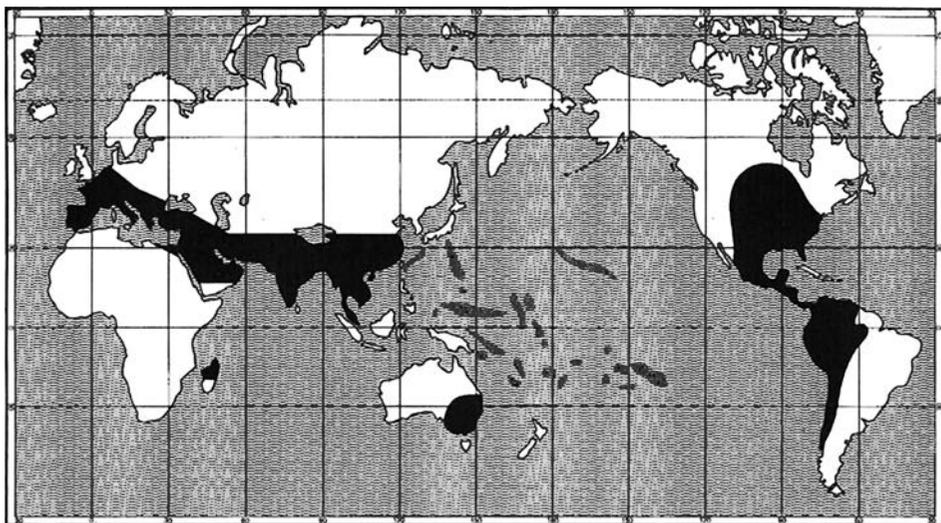
Он утверждал, что солнце лежит в основе языка, а следовательно, и всех основных мифов, и не только солнечных. Мюллер, сын поэта, родился в 1823 году в Дессау, столице небольшого государства в рамках Германской конфедерации. Он начал с изучения санскрита, что подогрело его интерес к филологии и религии. Вскоре он принялся за перевод Ригведы, священных индуистских гимнов, а в 1846-м отправился в Британию для работы в индийских архивах, содержа сам себя писательством — его первая повесть, “Немецкая любовь”, хорошо продавалась. Он остался в Британии и в 1854 году был принят профессором современных языков в Оксфордский университет. Четырнадцать лет спустя он стал также профессором сравнительной филологии, а еще позже — первым в Оксфорде профессором сравнительной теологии. Широта познаний Мюллера, а также годы, потраченные им на подготовку пятидесятитомного собрания “Священных книг Востока”, позволили Джордж Элиот списать с него доктора Казобона — педанта, погруженного в бесконечный труд всей своей жизни, “Общемифологический ключ”, — в ее романе “Миддлмарч”, вышедшем в 1871 году, когда научная репутация Мюллера находилась на пике.

В то время этот оксфордский ученый родом из Германии был по-настоящему знаменитой фигурой, а из его друзей и знакомых можно было составить целых два поколения британской интеллектуальной элиты: Маколей, Теннисон, Теккерей, Рескин, Браунинг, Мэтью Арнольд, Гладстон, Керзон и многие другие. Королева Виктория дважды предлагала ему звание рыцаря, которое он отклонял. После его смерти вдова получала соболезнования от королей и императоров. Мюллер написал более пятидесяти книг, поэтому неудивительно, что его последними словами стала фраза “Я устал”¹⁷. В своей главной книге “О философии мифологии” (1871) он показывает, что одни и те же истории, одни и те же традиции и мифы встречаются повсеместно, а появление и исчезновение Солнца и поклонение ему как источнику жизни лежат в основе большинства мифологий. С самых ранних времен человек строил вокруг Солнца свое понимание мира. То, что мы называем Утром, древние арии называли Солнцем или Зарей... То, что мы называем Днем, Вечером или Ночью, Весной или Зимой, Годом, Временем, Жизнью или Вечностью, — все это древние арии называли *Солнцем*. Но все же обилие солярных мифов у древних ариев не перестает удивлять людей. Отчего же? Ведь каждый раз, говоря: “Доброе утро”, мы сотворяем солярный миф... Каждый рождественский номер газеты, провожающий старый год и возвещающий новый, полон солярных мифов¹⁸.

За прошедшие уже более чем сто лет мы привыкли полагаться на основные доводы Мюллера. Однако он значительно обгонял свое время: его упорство в возведении всех мифов к Солнцу, подчеркивание примата арийской мифологии и стремление проследить все языки обратно к единому праязыку вызвали ожесточенное противостояние между кругом Мюллера и его противниками. Идея солярной панмифологии потеряла былую привлекательность после смерти Мюллера в 1900 году, и сейчас о его работах известно очень немногим, но он остается крупнейшей фигурой в сфере нашего понимания солярных мифов.

Положение Солнца в мировых мифологиях вновь стало актуальным в 1923 году, когда антрополог Университетского колледжа Лондона Уильям Джеймс Перри (1887–1949) и анатом Графтон Эллиот Смит (1871–1937) выпустили книгу “Дети Солнца”. В ней утверждалось, что в ранней истории человечества на большинстве континентов встречались группы людей, считающих себя потомками солнечного бога. Будучи убежденными гелиоцентристами, Перри и Смит настаивали на том, что “важность этого факта для истории цивилизации, и в особенности для изучения мифологии и традиций, чрезвычайно велика”¹⁹.

Согласно Перри и Смицу, впервые самозванные наследники божеств появились около 2580 года до н. э. Возводя свой род к богу Ра, члены династий

Карта распределения солнечных культур по всему миру, демонстрирующая географическое распределение Детей Солнца (Graphis magazine, 1962)

египетских фараонов считали, что однажды Солнце спустилось на Землю, чтобы править ею, и они — его потомки. Царские подданные не могли смотреть на своего повелителя, он мог вызывать дождь или солнце и, будучи повелителем магии, мог даровать или отобрать урожай²⁰. Египтяне развили божественную природу земного царя дальше других обществ, хотя эти слова принадлежат римскому императору: Веспасиан (9–79 н. э.), находясь при смерти, пошутил: “Увы, кажется, я уже становлюсь богом”.

Перри и Смит обнаружили сходные системы взглядов у индийских асуров, тимуридов в Индонезии, у племени абариху острова Сан-Кристоваль (Соломоновы острова), инков, майя, нескольких северо-американских племен и сделали вывод: “Там, где в архаичных цивилизациях возможно исследование правящих классов, обнаруживается, что эти классы были приравнены к богам, обладали божественными атрибутами и, как правило, называли себя детьми Солнца”²¹. Подобно Мюллеру, они делали из этого важного наблюдения слишком далеко идущие выводы (например, они утверждали, что государства, где такие потомки Солнца были у власти, встречаются только в определенных частях планеты), но им действительно удалось определить значительный культурный паттерн, пользующийся своим превосходством на протяжении тысячелетий.

Перри и Смит очертили и последующий культурный сдвиг. Поскольку эти общества стремились к расширению, они становились более воинствен-

ными, а дети Солнца превращались в богов войны. Например, когда майя распространились из Гватемалы в южную Мексику, их культура институционализировала жестокость и агрессивность. То же самое относится и к ацтекам: “Война, сперва оборонительная, а затем и наступательная, стала жизнью племени”²². Аналогичное развитие было обнаружено в Меланезии, Полинезии и Северной Америке. Как и Мюллер, Перри и Смит заявляли, что их предположения подтверждаются на очень больших временных интервалах. Из упомянутых цивилизаций только самые крупные существовали более 4 тыс. лет: общества долины Нила жили с 3200 года до н. э. вплоть до их завоевания исламом в 700 году н. э., китайскую древнюю культуру принято отсчитывать от 2800 года до н. э. до конца династии Тан в 907 году н. э., и т. д.

В 1925 году еще один человек — Карл Юнг, который в дальнейшем сыграет ключевую роль в формировании нового взгляда на солярную мифологию, — совершает два путешествия, и оба накладывают значительный отпечаток на его философию. Во время посещения индейского племени пуэбло-де-таос в штате Нью-Мексико сорокадевятiletний путешественник погрузился в беседу с одним из старейшин племени. Сидя на крыше своего дома, старик показал на сверкающее в небе солнце: “Тот, кто движется там, в небе, — не наш ли это Отец? Разве может быть другой Бог? Без солнца ничто не может существовать!”

Тогда Юнг заинтересовался, не может ли солнце быть огненным шаром, форму которого определил невидимый бог. “Мой вопрос не вызвал у него ни удивления, ни негодования, — писал Юнг. — Единственное, что я услышал от него в ответ: “Солнце — бог! Это видно любому”^{*}.

“Ведь мы — народ, который живет на крыше мира, — продолжал старик, — мы — дети Солнца, и, совершая свои обряды, мы помогаем нашему Отцу шествовать по небу. Если мы перестанем это делать, то через десять лет Солнце не будет всходить и наступит вечная ночь”²³. Тогда Юнг внезапно осознал центральную роль солнечного мифа для тао — солнце давало этому племени смысл и цель существования²⁴.

Собственные сны убедили Юнга в том, что человек всегда стремится к свету²⁵. А несколько месяцев спустя его путешествие в Африку для исследования мифов горных народов, живущих между Момбасой и Найроби, произвело на свет эту теорию. Он наблюдал там, как аборигены ежедневно ждут “рождения солнца”, потому что, как они объясняли, “только в этот момент солнце было богом”. Для Юнга это ежедневное приветствие солнца в месте, столь далеком от пуэбло-де-таос, подтверждало универсальность первич-

* Здесь и далее — пер. В. Поликарпова.

ного стремления человека к свету (хотя африканцы, в отличие от тао, видели в солнце только источник света, а не высшее существо).

В последующие десятилетия после путешествий Юнга исследования религиозных практик бесписьменных культур были довольно скудными, пока в 1958 году знаменитый румынский историк религии Мирча Элиаде (1907–1986) не оспорил разом все геоцентрические идеи, выдвинув гипотезу о том, что солнце “превратилось в общее место смутных представлений о религиозном опыте”*. Он также предположил, что в аграрных обществах, пришедших на смену древней культуре охотников-собирателей, где земледельцы зависели в своих посевах от смены сезонов, а особенно от тепла и света, солярное божество превратилось из бога в “оплодотворителя” (собственный термин Элиаде). Из неисчислимого множества мифов, писал Элиаде, только некоторые культуры (египетская, а также многие культуры индоевропейской и мезоамериканской цивилизаций) разработали настоящие солярные религии.

Мне представляется, однако, что Элиаде основывался на прозрениях Юнга, а не отрицал их. Тот факт, что многие культуры веками, а то и тысячелетиями сохраняли мифы о солнечном господстве, демонстрирует центральное место этих историй в собственном самоосознании культур, а также сообщает нам о крепнущем воздействии солнца на человечество.

На природу этого воздействия я решил посмотреть своими глазами. В июне 2004 года я отправился в Перу, чтобы присутствовать на Инти Райми — древнем фестивале, который проводится в честь солнцестояния инков. Фестиваль проходит в городе Куско, в Андах, и начинается на северо-восточной части одной из городских площадей. К моменту моего прибытия небеса разверзлись, хлынул проливной дождь, и красные, синие, желтые и зеленые резиновые плащи толпы соперничали с живописными костюмами актеров, играющих пажей при дворе царя инков, одетых в оранжевое “придворных девственниц”, солдат (одолженных действующей перуанской армией по случаю) и вообще царский двор во всем его великолепии. Через час все переместились ярдов на триста, на Кориқанча (площадь Золота), где герольды играли на морских раковинах, чтобы умиротворить Апу Инти (солнечного бога) и верховного жреца, и нараспев произносили молитвы на кечуа — индейском языке, на котором до сих пор говорят около 20% перуанцев. Женщина, стоящая рядом, рассказала, что местные актеры репетировали целый месяц: ее муж, ювелир, играл одного из жрецов; прислужник верховного жреца деловито жевал жевательную резинку.

Третья и заключительная часть праздничных мероприятий происходила подальше, там, куда надо было добираться автобусом, в Саксайуамане —

* Пер. Ш. Богинной, Н. Кулаковой, В. Рокитянского, Г. Старостина.

Одри Хепберн и Грегори Пек в “Римских каникулах” перед Устами Истины (La Bocca della Verità), массивным мраморным солнечным диском II века до н. э. в церкви Санта-Мария-ин-Космедин в Риме. Пек объясняет, что если лжец положит руку в рот божества, то на него обрушится справедливая расплата Солнца и рука будет откушена (Paramount Pictures)

произносится как *sexu woman* (сексуальная женщина), но значит “сытый орел”, — где стоят несколько рядов гигантских камней, образующих самый известный монумент инков после Мачу-Пикчу²⁶. Их размер поражает воображение, некоторые весят под 90 тонн. Между 1533 и 1621 годами их прикатили на бревнах, смазанных жиром викуньи, из карьера на расстоянии в полмили и расположили в форме огромной извивающейся змеи: мощное присутствие прежней религии, каким-то образом избегнувшей запрета со стороны испанцев. Каждые пять ярдов в каменных блоках вытесывались пазы и отверстия, что позволило подогнать их друг к другу так плотно, что я не смог просунуть между блоками даже острое лезвие ножа. Эта могучая стена играла роль декораций для главного праздника.

Гид нашей группы, Одилия, миниатюрная женщина сорока с чем-то лет, рассказала, что в детстве бабушка (сейчас бабушке девяносто четыре года) ей говорила о большом земляном холме за каменной грядой: на холме стоял

дворец и три астрономических обсерватории. В 1987 году все обсерватории были обнаружены. Сегодня работы ведутся постоянно, уже найдено 328 камней, использовавшихся во время празднеств солнцестояния. Затем Одилия научила нас молиться солнцу, слегка наклоняясь вперед, не столько из благоговения, сколько чтобы макушка была обращена к великому светилу. Она сняла ботинки и вытянула руки в стороны, растопылив пальцы, чтобы тело касалось сразу и солнца, и земли, двух главных источников жизни.

Я отошел от группы и был сметен потоком местных жителей: женщины в старинных традиционных костюмах, мужчины, одетые конкистадорами или матадорами или в одних леопардовых шкурах, мальчишки (девочек не было) играли на раковинах, рожках, цимбалах, гитарах и барабанах. Продавцы предлагали все на свете, от ковров из пум и лам до шляп, чая из коки, марионеток, открыток, лимонада, сладостей, флажков, пончо, фотопленки, шахматных наборов. Дождь еще моросил, поэтому полиэтиленовые плащи веселой расцветки продавались очень хорошо. В этой толчее многие танцевали, включая невероятно древнюю старуху, которая вертелась столь же энергично, что и танцоры раза в три моложе ее.

В углу, в стороне от основной зоны фестиваля, развернулась временная ярмарка — горки, качели и карусели. Жонглеры и уличные артисты встречались через несколько ярдов, на каждом углу торговали свитерами, ожерельями и брошками всевозможных стилей, а под присмотром женщин в ярких шалях, бусах и шляпах в больших черных котлах булькал куриный бульон. Толпа оживленно шумела, все были в хорошем настроении — это был их день.

Церемония началась в два часа. На большом плато воздвигли широкую прямоугольную сцену, на занавесе были нарисованы камни. Горные индейцы с четырех концов древней империи собрались, чтобы присоединиться к своему вождю, которому предстояло выпить священный напиток чича из забродившего зерна. Около пятисот местных жителей принимали участие в церемонии, поддерживаемые ревом сорока тысяч зрителей. Огни вспыхнули по углам плато (ближайший к нам судорожно плевался и нуждался в постоянном поддержании), опять задудели раковины, уже более исступленно. Основа церемонии была очень похожа на христианское причастие, разодетые принцессами инков девочки несли корзины со священным хлебом (сдерживая смешки). Цвета их костюмов сверкали так, что захватывало дух. Впрочем, ни у одной девственницы не вырвали сердце, чтобы гадать о будущем, как это делалось до Конкисты, и даже приношение в жертву ламы было имитацией — животное было отпущено на свободу и бляело, жалуясь на свои злключения.

За коммерческой показухой открывалась какая-то большая и настоящая глубина: гордость причастности к племени, пусть и давно побежденному,

и ощущение могущества солнца, пусть и не божественного свойства. Наконец дождь перестал моросить, и венцом всему стало появление солнца, а затем и волшебной радуги. Бог солнца, казалось, услышал наши молитвы и почтил празднество солнцестояния. Я удалялся от фестиваля и думал, как можно сомневаться во власти солнца над нами, когда во многих смыслах это и по сей день один из организующих факторов нашей жизни.